

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 296–301

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 296–301

<https://bonjour.sgu.ru>

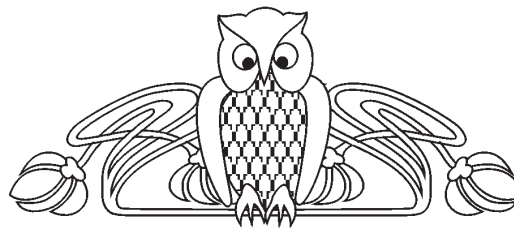
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-296-301>

Научная статья

УДК [821.161.1.09:091.5]+027.021(470.44-25)ЗНБ СГУ+929[Бунин+Батюшков]

Федор Батюшков и Иван Бунин. Неизвестный автограф

В. И. Чернышева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Чернышева Вероника Игоревна, аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики, chernysheva.veronika@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-9794>

Аннотация. В отделе редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки СГУ им. Н. Г. Чернышевского обнаружен ранний, до сих пор не введенный в научный оборот, автограф Ивана Бунина. Это подписанный автором перевода экземпляр «Манфреда» Дж. Г. Байрона, отданный товариществом «Знание». Книга предназначалась Федору Дмитриевичу Батюшкову. Известно, что Батюшков, занимая пост ответственного редактора журнала «Мир Божий», писал отзывы на произведения авторов, выдвигавшихся на Пушкинскую премию.

Ключевые слова: Бунин, Батюшков, «Манфред», товарищество «Знание», Байрон, издательская репутация, начинающий автор

Для цитирования: Чернышева В. И. Федор Батюшков и Иван Бунин. Неизвестный автограф // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 296–301. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-296-301>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Fyodor Batyushkov and Ivan Bunin. An unknown autograph

V. I. Chernysheva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Veronika I. Chernysheva, chernysheva.veronika@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1362-9794>

Abstract. In the Manuscripts and Rare Books Division of the Regional Scientific Library of Saratov State University, an early autograph of Ivan Bunin, which has not yet been introduced in scientific circulation, has been discovered. This is a signed copy of the translation of G. G. Byron's *Manfred* published by the "Znanie" Partnership. It is known that Fyodor Batyushkov, holding the post of the editor-in-chief of the magazine *Mir Bojiy* (The World of God), wrote reviews of the works of authors nominated for the Pushkin Prize.

Keywords: Bunin, Batyushkov, *Manfred*, partnership "Znanie", Byron, publishing reputation, aspiring author

For citation: Chernysheva V. I. Fyodor Batyushkov and Ivan Bunin. An unknown autograph. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 296–301 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-296-301>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

2020 год, юбилейный для первого русского Нобелевского лауреата И. А. Бунина, безусловно, был знаковым для научного буниноведения. Масштабные конференции, приуроченные к 150-летию со дня рождения писателя, были проведены в ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, в Пушкинском доме (ИРЛИ РАН), на родной для Бунина Орловщине. (В Орле прошла Всероссийская научная конференция «Творчество И. А. Бунина в контексте культуры XX–XXI веков», проведенная совместно Орловским государственным университетом имени И. С. Тургенева и Орловским государственным литературным музеем И. С. Тургенева. В ИРЛИ РАН прошла международная конференция «Бунин и его время».

В ИМЛИ РАН конференция носила название «Иван Бунин: контексты судьбы – история творчества».) Очевидные успехи проекта «Академический Бунин», представившего в этом году научной общественности первую книгу очередного 110-го тома «Литературного наследства», посвященного юбилею (работа над изданием продолжается, запланирован выход еще трех книг с результатами исследований буниноведов со всего мира), также трудно переоценить. Разумеется, нельзя не упомянуть в этой связи вышедшее недавно в издательстве «Вита Нова» фундаментальное исследование Т. М. Двинятиной «Иван Бунин. Биографический пунктир» – первое полное жизнеописание Бунина, опи-

рающееся как на недавно обнаруженные, так и впервые публикуемые архивные документы. Издание в двух книгах представило широкой научной общественности материалы Бунинской коллекции Русского архива в Лидсе (Великобритания), а также хроникальные свидетельства ближайшего окружения классика, вплетенные в журнальную и газетную периодику, мемуарные штрихи к портрету юбиляра, оставленные в разное время его современниками. Все это создает уникальное по своей значимости полотно сразу нескольких страниц истории русской литературы конца XIX – первой половины XX в.

В связи с этим особую актуальность приобретают любые разыскания и находки, связанные с жизнью, творчеством, кругом общения И. А. Бунина, а также интерпретациями фактов его биографии, восприятием их массовым читателем, зрителем, открытиями и презентацией новых научно-исследовательских методов, которые, безусловно, существенно обогатила сама возможность создания единой для исследовательского поля цифровой среды (речь о проекте «Академический Бунин»). В этом же ряду необходимо упомянуть и несобственно-художественные тексты, а именно автографы, оставленные Буниным и, наоборот, адресованные ему. В исследовании, равно как и каталогизации автографов, несомненно, еще остались белые пятна. Так, в отделе редких книг и рукописей Зональной научной библиотеки СГУ им Н. Г. Чернышевского (далее ЗНБ СГУ) нами был обнаружен ранний автограф Бунина, до сих пор не введенный в научный оборот.

Можем предположить, что надпись «Многоуважаемому Федору Дмитриевичу Батюшкову. Ив. Бунин», оставленная автором перевода в левом верхнем углу форзаца «знаниевского» издания «Манфреда» Байрона, вышедшего отдельной книгой в 1903 г., хотя на обложке указан 1904-й, имела целью для автора перевода заручиться поддержкой человека, непосредственно оценивающего качество произведений, выдвигавшихся на Пушкинскую премию. Кроме того, как известно, художественный перевод как таковой был предметом специального интереса Ф. Д. Батюшкова.

Очевидная научная ценность находки состоит в том, что все другие автографы Бунина и его жены, имеющиеся в Саратове, введены в научный оборот давно. Они были переданы в ЗНБ СГУ в 1978 г. дочерью К. А. Федина. Выполняя волю отца, Н. К. Федина обогатила фонды библиотеки книгами с автографами не только И. А. Бунина и В. Н. Буниной, но также экземплярами различных изданий с инскриптами Р. Роллана, С. Цвейга, Л. Франка, М. Горького, А. Н. Толстого, А. А. Ахматовой, Б. Л. Пастернака¹.

Книги с автографами Бунина К. А. Федину, как известно, были подарены В. Н. Муромцевой-Буниной, инициировавшей и терпеливо

продолжавшей многотрудный для Бунина путь «возвращения на родину стихами». В 1959 г. она отправила Федину бандероль с улицы Ж. Оффенбаха в Париже, где с 1922 по 1953 г. жил Бунин. В той посылке была ее книга «Жизнь Бунина 1870–1906», вышедшая в 1956 г. Кропотливого документальному воссозданию жизнеописания Бунина, хронологически доведенному до момента встречи будущих супругов в 1906 г., был предпослан автограф: «Многоуважаемому Константину Александровичу Федину на добрую память. В. Муромцева-Бунина. Париж. 10. III. 59»².

Представляемое же издание перевода «Манфреда», судя по соответствующей ведомственной печати, ранее принадлежало библиотеке Института народного просвещения г. Саратова. Как и когда экземпляр попал туда и где находился прежде – предмет отдельного историко-литературного разыскания. Мы же остановимся на отношениях между автором перевода и предполагаемым рецензентом – адресатом автографа, о которых говорить можно, разумеется, не только в связи с вышеописанной находкой.

Примечательно, что еще один экземпляр перевода «Манфреда» из того же тиража, подписанный Буниным, упоминается в сообщении В. Г. Лидина «О некоторых автографах И. А. Бунина», опубликованном в «Литературном наследстве»³. «Михаилу Васильевичу Аверьянову от всей души», – гласит надпись на книге. Книга предназначалась М. В. Аверьянову (1867–1941), издателю, библиофилу, много лет, кстати сказать, хранившему у себя подлинную рукопись стихотворения Н. А. Некрасова «Размышления у парадного подъезда», к сожалению, утраченную во время войны уже после его смерти. Мы видим, что тексты автографов Бунина Аверьянову и Батюшкову, оставленные на одинаковых экземплярах книг, не идентичны, что важно в данном контексте, поскольку позволяет рассуждать как об отношениях с адресатами автографов, так и о том, что значил этот перевод для самого автора.

Историк литературы, видный ученый-филолог (ученик и последователь А. Н. Веселовского), а также литературный и театральный критик, журналист, общественный деятель Ф. Д. Батюшков (1857–1920), как известно, был автором статьи, посвященной Бунину, в «Русской литературе XX века» под редакцией С. А. Венгерова. А в тот момент, когда Бунин подписал ему экземпляр «Манфреда», занимал пост ответственного редактора журнала «Мир Божий» (1902–1906).

О своей работе над переводом «Манфреда» Бунин впервые упоминает 15 декабря в 1902 г. в письме к К. П. Пятницкому. Сетует, что перевел «очень болтливо», сообщает, что переделывает коренным образом и потому просит отсрочки до последних чисел декабря. Интересуется при этом все-таки, когда выйдет книга, если он представит текст к первому января, и твердо обещает, что корректуры не будет, поскольку вещь неболь-

шая. «...Ведь если бы я теперь представил – все равно вот-вот праздники <...> Очень прошу Вас ответить немедленно (эти слова Бунин выделяет. – В. Ч.) – мне очень совестно и тяжело. Будьте снисходительны»⁴. Тогда же Бунин приложил к письму гранки, словарь и список рисунков, т. е. подробное оглавление.

Бунинский перевод «Манфреда» в «Знании» вышел в итоге только в середине октября 1903 г., хотя на титульном листе значится 1904 г. Выходу его предшествовало продолжение переписки с Пятницким. Бунин просит отсрочки предоставления текста в издательство ввиду болезни и невозможности окончить перевод в срок, Пятницкий же убеждает его работать над «Манфредом» не торопясь.

Известно также, что Бунин хотел издать в «Знании» переводы отдельной книгой. Однако не делать этого, дабы не исказить представлений публики о себе как о поэте, убедил его Горький: «Этим изданием вы должны будете понизить интерес публики к вашим оригинальным вещам»⁵; «<...> она [публика] переводы Ваши, конечно, не уравнивает с оригинальными стихами, да еще переводы известных вещей. Как вы полагаете?»⁶. Так и получилось – отдельной книгой переводы Бунина в «Знании» не выходили.

Кроме самого текста драмы «Манфред», книга, выпущенная товариществом «Знание», содержит каталог книжного склада книгоиздательского товарищества «Знание» от 20 марта 1903 г. Здесь же сообщается, что лица, выписывающие книги из каталога, не платят за пересылку, а также что книжный заказ считается оплаченным, если читателем внесено не менее четверти его стоимости. Предлагаемое издание описано в подробностях, сообщается, что вышло «роскошно иллюстрированное издание» бунинского перевода «Песни о Гайавате» по цене два рубля и «дешевое издание» за 40 копеек. Здесь же упомянуто, что книга содержит портрет Лонгфелло, около 400 рисунков в тексте, «тот же перевод, те же иллюстрации», как и в «роскошном издании», но «бумага и формат другие». И тот, и другой варианты перевода были иллюстрированы рисунками американского художника Фредерика Ремингтона (1861–1909), пожалуй, на тот момент самого популярного в России визуализатора эстетики Дикого Запада. Примечательно, кстати, что историки искусства отмечают факт влияния на художника русского баталиста Василия Верещагина, с чьим творчеством Ремингтон познакомился еще в 1888 г. на выставке в Нью-Йорке.

В «знаниевском» издании «Манфреда» Байрона помещено любопытное приложение, представляющее собой выдержки из газетных и журнальных рецензий на перевод Бунина «Песни о Гайавате». Один только беглый взгляд на это ревью, озаглавленное «Отзывы печати о переводе Ив. А. Бунина», безусловно, должен был заставить читателя заинтересоваться. «Молодой

автор», которому читатель «знаниевских» книг обязан был знакомством с Лонгфелло и благодаря которому теперь предстояло познакомиться с Байроном, представлен в самом выгодном свете, да и само обилие и разнообразие цитируемых изданий не может не вызвать интерес к переводчику. Возникает мысль о том, что Горький, возможно, и не был прав, отговаривая молодого автора издавать переводы отдельно. Обзор критических откликов на перевод «Песни о Гайавате» свидетельствует как раз об обратном. Если верить рецензентам, переводчик незаурядно талантлив, и вряд ли тревоги Горького о том, что имена авторов оригиналов заслонят от читателя молодое дарование переводчика, были оправданны. Возможно, их слава и не помешала бы собственной писательской карьере молодого Бунина, вопреки опасениям Горького. Однако вернемся к описанию «знаниевского» «Манфреда». Тип издания, логика размещения материала, на наш взгляд, наглядно и красочно не только характеризует издательскую политику товарищества, но также дает представление о литературном процессе времени появления на книжном рынке переводов Бунина. Подборку критических отзывов на перевод «Песни о Гайавате», помещенный в книге с бунинским переводом «Манфреда» Дж. Байрона, открывает выдержка из анонимной рецензии газеты «Русские ведомости»: «Во всемирной литературе немного есть эпических произведений, которые по художественной красоте превосходили бы “Песнь о Гайавате”... Перевод исполнен прекрасно во всех отношениях»⁷.

Цитируются также публикации из «Вестника воспитания», «Одесского листка», «Жизни». «Сын Отечества» называет перевод Бунина «незаурядным», «сделанным с величайшей тщательностью». «Стих легок и музыкален, образы поэтичны, тон выдержан прекрасно и как нельзя лучше передает то величественное впечатление, какое и должна передавать “Песнь о Гайавате”, – делится своими восторгами журналист издания. – “Песнь о Гайавате” – одно из замечательнейших произведений знаменитого американского поэта <...> Благородный и величественный образ Гайаваты, постоянно борющегося со злом и глубоко страдающего за людей, производит необыкновенно облагораживающее и возвышающее впечатление...»⁸. Как видим, индейская Эдда, нежную любовь к которой Бунин нес в сердце из глубокого детства, встречена критикой благожелательно.

Приведен здесь и отклик журнала «Мир Божий» (рецензия дана без подписи): «Лонгфелло принадлежит к благороднейшим поэтам нашего времени и по своему исключительному поэтическому дарованию, но и по широким интересам и высоко гуманному настроению <...> В Великобритании он занимает место в ряду величайших поэтов <...> Лучшая поэма его – “Песнь о Гайавате”. Переводчик успешно справился со своей

нелегкой задачей, сумев сохранить необыкновенную простоту стиля подлинника, не ослабив его могучей образности, что очень редко случается с нашими стихотворениями <...>⁹.

Очевидно, что мнением Батюшкова Бунин дорожил и, конечно, был знаком с опубликованным на страницах октябрьского номера «Мира Божьего» в том же 1903 г. обзором «Новые побеги русской поэзии». Бунинский сборник «Стихотворения» критик анализирует в этой статье наряду со «Стихотворениями» А. М. Федорова и «Будем как солнце» К. Д. Бальмонта, во многом полемизируя с «летописцем» поэзии «гнева и скорби», как он сам его называет, Н. А. Котляревским. При всей разности и в качественном, и в количественном отношении некоторых претензий к выбранным трем поэтам Батюшков все же провозглашает их творчество выходом из некоего кризиса, сложившегося, по его мнению, в последние десять–пятнадцать лет. Хотя слово «кризис» он, конечно, не употребляет, но тенденция смены настроения в молодой поэзии явно импонирует ему. Батюшкова обнадеживает то, что «поколение нытиков сложило свое оружие, выплакав свое бессилие»¹⁰. И разбирая поэзию Федорова, Бальмонта и Бунина, он, подчеркивая их различия, в то же время усматривает в их творчестве общую тенденцию – склонность к радости бытия как таковой при различии творческих методов и поэтических форм.

В частности, Бунин критик хвалит за то, что в поэзии его нет ничего декадентского, но в то же время стих его ничуть не банален. Вписывая молодого поэта в привычный, но почетный ряд «Пушкин – Лермонтов – Тютчев» (Батюшков в связи с Буниным выстраивает эту цепочку именно в таком порядке), он отмечает, что ему удастся при этом не быть ни подражательным, ни банальным. «Г. [господин] Бунин совершенный романтик, или нео-романтик по настроению. Вполне новых, вполне оригинальных мыслей и тем мы едва ли найдем в его сборнике (имеется в виду сборник, вышедший тогда же, когда и перевод «Манфреда», в 1903 г. – В. Ч.). Но все-таки он говорит нам *свое* (курсив Батюшкова. – В. Ч.)»¹¹. Любопытно, что чисто стилистических претензий к стиху Бунина у Батюшкова почти нет. Он лишь констатирует, что местами это почти проза. Не в пример разбору бальмонтовских образов, спорность лексического и ритмического аккомпанемента которых Батюшков иллюстрирует скрупулезно и щедро.

Однако вернемся к переводу «Манфреда». Вероятно, адресуя свой вновь вышедший перевод знатоку мировой литературы Ф. Д. Батюшкову, Бунин дорожит не просто его мнением как фигуры влияния в издательском мире. Ему скорее важна та тонкость понимания Батюшковым поэзии в целом, которую критик демонстрирует, в частности, в статье «Новые побеги русской поэзии», где Бунину, кстати сказать, уделено не так

уж много внимания, но суть сказанного близка поэту. Вот почему, вероятно, он дарит Батюшкову экземпляр издания, заметим, не из «роскошных». Он как бы передает ему то, что дорого изнутри, и дорого чем-то большим, чем общий интерес поэтов в 1900-е к байронизму.

Бунинский байронизм – это, как известно, не просто литературное паломничество переводчика к оригиналу («Манфред», «Каин», «Небо и земля»). В девятисотые годы он путешествует по байроновским местам. Он стремится реально преодолеть метафизические пути в Швейцарских Альпах и самого Байрона, и его героя – можно утверждать, что он сознательно идет к творческому опыту переложения поэтического текста на русский язык через некую собственную трансформацию, собственный очень личный опыт. О том, что это действительно было так, и этот опыт далеко не просто работа с текстом, когда «переводчик не раб, а соперник», свидетельствует и тот факт, что много лет спустя он упоминает об этом опыте в философском трактате «Освобождение Толстого».

Вопрос о том, что Байрон вошел в культуру Серебряного века во многом именно благодаря этим переводам Бунина, подробно разбирается, в частности, в диссертационном исследовании С. Б. Климовой «Байрон в восприятии Бунина: аспекты рецепции»¹². Байронизм рассматривается автором в контексте русской переводческой культуры начала XX в., специфика бунинских же опытов с этой точки зрения, по мысли Климовой, не подражательна или вторична, как любой голос в унисон хора в духе времени, а, напротив, оригинальна. И, больше того, хранит в себе ключи к пониманию зрелого бунинского творчества, и даже его взглядов, высказанных позднее в публицистике и переписке. Тот самый демон как часть человеческой психики, существующий будто бы в противовес божественной природе души, – не это ли тема почти всего позднего творчества Бунина? И именно свое, быть может, в 1900-е еще самому едва слышимое, но настойчиво проигрывающееся где-то в глубинах собственной поэтической природы звучание этого мотива и хочет сообщить молодой автор «многоуважаемому» Ф. Д. Батюшкову. Он адресуется экземпляру перевода с автографом тому, чей слух, по предположению поэта, тоже обязательно должен это различить, уловить, учесть, откликнуться.

Для Бунина, в отличие, смеем предположить, даже и от самого Байрона, как это ни парадоксально, все это – от эстетики до проблематики – гораздо больше, чем литературный миф, который в процессе перевода становится частью собственного художественного мира. И в этом ранний Бунин едва ли не больше модернист, чем сами модернисты, его творческий эксперимент шире игры с текстом оригинала, больше диалога с чужой культурой, важнее заимствования с целью прочесть «другому», чтобы понять само-

му. Это в чем-то, быть может, попытка продолжать следовать кумиру юности Л. Н. Толстому, который при встрече убеждал своего молодого последователя все-таки пойти своим путем, отговаривая от окончательного опрощения, попытка перерождения в рамках земной жизни, осознаваемая или нет. Смелый опыт прорыва к трансцендентному – через опрощение ли, через перерождение ли, через путешествие ли по следам чужого, но не чуждого творческого «я» – не важно, но опыт обязательно осуществленный, предпринятый, реально прожитый творческой единицей бытия – человеком-художником – в рамках собственной земной жизни.

Вернемся к автографу. Известно, что обращение «многоуважаемый» устойчиво и общепотребительно. Это видно даже при сравнении приведенных выше автографов В. Н. Буниной – К. А. Федину и И. А. Бунина – Ф. Д. Батюшкову. В девятисотые годы и позднее «глубокоуважаемый» и «многоуважаемый» было одинаково распространено и востребовано эпистолярным жанром. Но есть все-таки едва уловимая семантическая разница между, например, «глубокоуважаемый» – обращением, не менее распространенным в таких случаях, и «многоуважаемый». «Глубокоуважаемый» в каких-то контекстах могло звучать немного подобострастно или, наоборот, иронично¹³. Характеризовало больше адресанта и ситуацию, нежели адресата. В некоторых случаях воспринимается более официально, а вот «многоуважаемый» – это и «уважаемый много», и «уважаемый многими». То есть некое априорное положительное качество незаурядной личности, возможно, напрямую не связанное с конкретным поводом письма, записки, обращения, автографа (как в данном случае), нечто неоспоримо являющееся фактом объективной реальности.

Именно таков был Ф. Д. Батюшков – уважаемый многими, что позволяло ему быть влиятельным, востребованным и при этом оставаться независимым в суждениях, не страшась быть полемичным. Не боялся, вопреки моде, открыто отрицать здоровое зерно в декадентстве, спорив, в частности, с Н. А. Бердяевым и тем же самым заслужив в свой адрес отповедь Д. В. Философова под названием «Литературный чиновник», опубликованную на страницах журнала «Мир искусства» в 12-м номере за 1902 год. Впрочем, чиновников на Руси от века почитают, но с чиновниками редко дружат. Вот лишь малая часть большого круга общения Ф. Д. Батюшкова: А. Н. Бекетов, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, И. Е. Репин, Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко, А. И. Куприн. А вот слова из дневника «многоуважаемого» Ф. И. Батюшкова, приводимые в воспоминаниях его племянницы и приемной дочери Е. Батюшковой: «Доверие к людям необходимо, даже если бы и пришлось за него поплатиться. Я ни разу не помню, чтобы

был кем-либо вполне обманут, хотя часто бывал обманываем. Я бы сказал, что как относишься к людям, так и к Вам отнесутся, если бы это не звучало прописным парадоксом, однако, парадоксом, в котором большая доля правды, больше чем думают»¹⁴.

О том, что этот «прописной парадокс» был для самого Батюшкова вовсе не общим местом, а важной составляющей жизненного кредо, если не сказать, самой основой его личности, нам позволяют судить воспоминания многих его современников. Кстати, именно так – «Многоуважаемый Федор Дмитриевич!» – обращается к Батюшкову и Горький, когда просит ссудить ему денег в счет будущего гонорара¹⁵. В ответ на эту просьбу Батюшков прислал деньги, подарившие Горькому, по его собственным воспоминаниям, «месяц свободы».

Известно, что никакие просьбы, обращенные к нему, Батюшков не оставлял без ответа, даже если бы и исполнение их шло в ущерб его собственному благополучию или комфорту. А о том, что переписка со многими авторами очень быстро переходила из плоскости чисто деловой в общечеловеческую, свидетельствуют и письма его к Короленко, Чехову¹⁶. «Прошу принять к сведению, что ваш прибор всегда накрыт за моим столом, когда бы мне не случилось обедать дома», – пишет он Короленко. Или в письме к Чехову: «Надо жить, Антон Павлович, надо справляться с грустными думами о том, что было возможно вчера, сегодня уже не воскресимо. Вот Вы помогли нам пережить это настроение – помогите перейти и к другому: что все же есть смысл в жизни». И в конце Батюшков добавляет: «Однако простите, что Вам пишу не по-редакторски»¹⁷. О том, насколько глубоко человеческие отношения связывали Батюшкова с Чеховым, известно. Наверняка, это было хорошо известно и Бунину. Доброта, отзывчивость, человечность – вот доминанты личности Ф. Д. Батюшкова.

Таким образом, мы видим, что немногословный и, на первый взгляд, вполне формальный с точки зрения жанра автограф Бунина, поставленный на изданном «Знанием» переводе «Манфреда» Байрона, бесспорно, является красноречивым штрихом к портрету незаурядной личности Ф. Д. Батюшкова в интерьере эпохи.

Примечания

- ¹ См.: *Артисевич В.* Автографы в личной библиотеке К. Федина // Проблемы развития советской литературы: Проблематика и поэтика творчества К. А. Федина: межвуз. науч. сб. / отв. ред. П. А. Бугаенко, В. А. Ковалев. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1981. С. 137–165.
- ² *Попкова Н.* Автографы И. А. Бунина и В. Н. Буниной из собрания К. А. Федина // Русское Подстепье в историко-культурном и литературно-лингвистическом преломлении: сб. материалов по итогам науч.-практ. конф., посвящ. памяти С. В. Красновой / отв. ред. Н. Н. Ком-

- лик. Елец : Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2009. С. 57.
- ³ См.: *Лидин В.* О некоторых автографах И. А. Бунина // Литературное наследство. Т. 84 : Иван Бунин : в 2 кн. Кн. 2. М. : Наука, 1973. С. 445.
- ⁴ *Бунин И.* Письма 1885–1904 / подгот. текстов писем и коммент. С. Н. Морозова [и др.] ; под общ. ред. О. Н. Михайлова. М. : ИМЛИ РАН, 2003. С. 417–418.
- ⁵ Там же. С. 449.
- ⁶ Там же. С. 706.
- ⁷ *Байрон Д.* Манфред / пер. Ив. А. Бунина. СПб. : Знание, 1904. С. 65.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. С. 66.
- ¹⁰ *Батюшков Ф.* Новые побеги русской поэзии // Мир Божий. 1903. № 10. С. 18.
- ¹¹ Там же. С. 10.
- ¹² См.: *Климова С.* Байрон в восприятии Бунина : аспекты рецепции : дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2009.
- ¹³ См. об этом, например: *Евсеева И., Морозова А.* Речевой жанр «Автограф автора на книге» // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 61. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2017-1-15-58-65>
- ¹⁴ *Батюшкова Е.* О Федоре Дмитриевиче Батюшкове // К. Н. Батюшков, Ф. Д. Батюшков, А. И. Куприн : материалы Всерос. науч. конф. в Устюжне о жизни и творчестве Батюшковых и А. Куприна (28–29 сент. 1966 г.) / ред. И. В. Гура. Вологда : [б.и.], 1968. URL: https://www.booksite.ru/usadba_new/bat/8_09.htm (дата обращения: 06.05.2021).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.

Поступила в редакцию 10.05.2021, после рецензирования 14.05.2021, принята к публикации 16.05.2021
Received 10.05.2021, revised 14.05.2021, accepted 16.05.2021